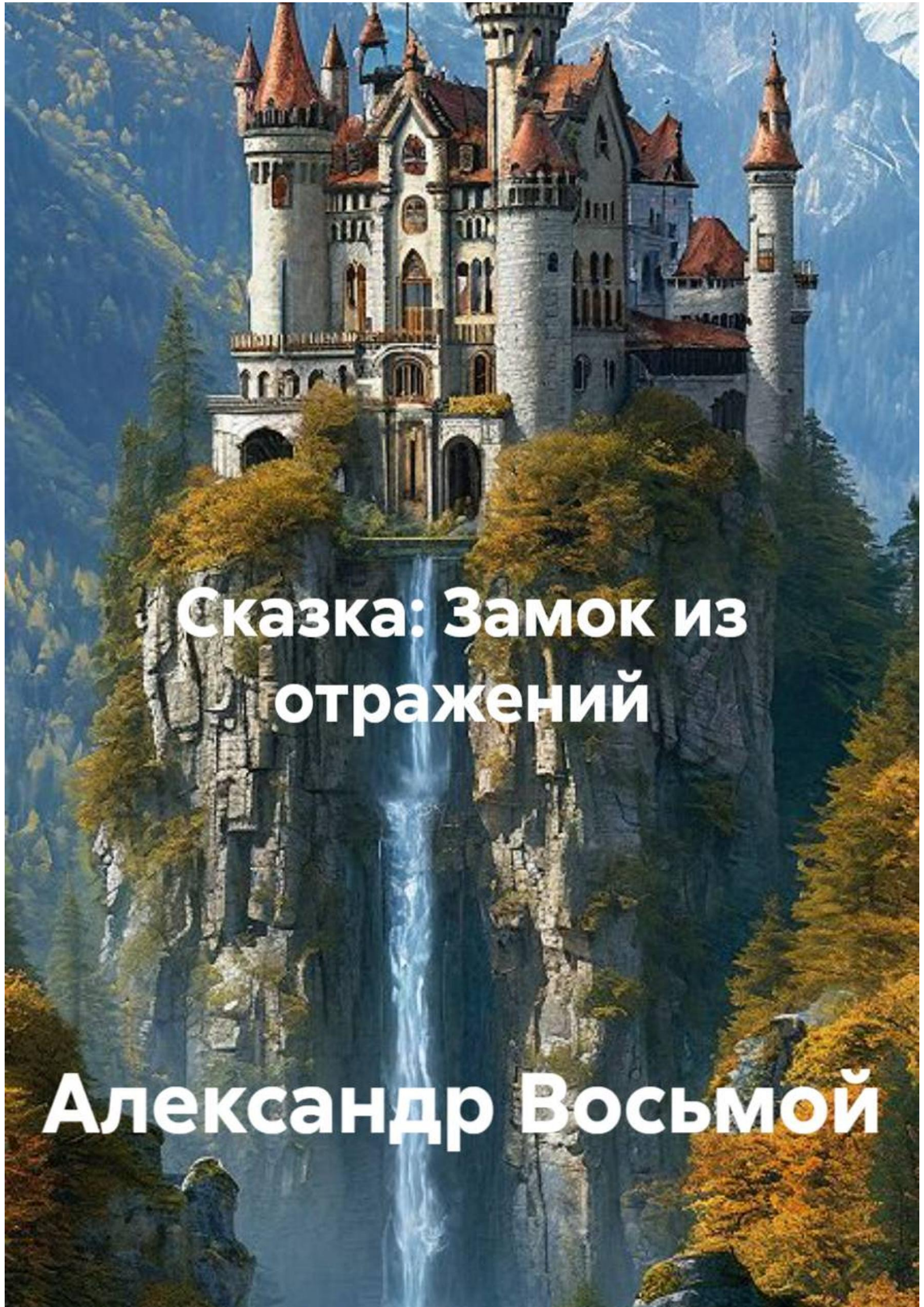

A detailed illustration of a fairytale castle with multiple towers and red-tiled roofs, perched on a steep, rocky cliff. A waterfall cascades down the front of the cliff. The surrounding landscape is lush with green and yellow foliage, and the sky is a deep blue with soft clouds.

Сказка: Замок из отражений

Александр Восьмой

Александр Восьмой

Сказка: Замок из отражений

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка: Замок из отражений / А. Восьмой — «Автор», 2026

Замок из отражений. На вершине горы стоит замок, построенный не из камня, а из отражений: каждое окно — чужая память, каждая дверь — чужой страх. Принцесса, запертая внутри, должна научиться видеть сквозь отражения, чтобы найти настоящую дверь и освободить свой народ. Мистическая сказка о самопознании и преодолении внутренних преград.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Сказка: Замок из отражений

Глава 1. «Зеркало, которое не узнало принцессу»

Рассвет в Замке из отражений никогда не был настоящим — он лишь подражал рассвету, как плохой актёр подражает эмоциям. Лучи скользили по стенам, но не грели, а ложились тонкими полосами света, будто пытались что-то скрыть. Принцесса Мира стояла у окна, прижимая ладонь к стеклу, и чувствовала, как холод пробирается под кожу, цепкий, липкий, словно чужой страх.

Она смотрела на своё отражение и вдруг поняла: оно не повторяет её движений.

Мира подняла руку — её отражение в зеркале осталось неподвижным. Потом медленно наклонила голову, проверяя, не дрогнул ли свет, не ошиблась ли она. Но отражение лишь смотрело на неё с пустым, застывшим лицом, будто видело что-то за её спиной — что-то, чего Мира не могла разглядеть.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептала она, и собственный голос прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине.

Отражение не ответило. Но в ту же секунду по поверхности зеркала пробежала рябь, как по воде, брошенной камнем. И вместо её лица в стекле появилась другая девочка — маленькая, с растрёпанными волосами, прижимающая к груди потрёпанную куклу. В её глазах застыл такой первобытный ужас, что Мира невольно отшатнулась.

И тут она услышала шёпот.

Сначала он был едва уловимым, как ветер в пустых коридорах. Потом стал громче, складываясь в обрывки фраз: «...не смотри... он идёт... я не хотела... прости...» Шёпот шёл не извне — он шёл изнутри стекла, из самого отражения. Это были не слова, обращённые к Мире, а чьи-то воспоминания, застрявшие в зеркальной глади, как мошки в янтаре.

Мира прижалась ухом к стеклу, пытаясь разобрать, кому принадлежали эти слова, откуда они пришли. И в этот момент отражение маленькой девочки дрогнуло, будто кто-то стёр его краем тряпки, и на его месте проступила новая сцена: мужчина в потрёпанном плаще, стоящий перед закрытой дверью, сжимающий кулаки так, что костяшки побелели. Его губы беззвучно шевелились, произнося одно и то же слово: «нет».

— Это не мои воспоминания, — прошептала Мира, отходя назад, но ноги будто приросли к полу.

Каждое окно в этом замке было чужой памятью. Каждая дверь — чужим страхом. Теперь она поняла это не как метафору, а как физическую реальность, осязаемую и холодную, как стекло под пальцами. Замок не просто хранил эти эмоции — он питался ими, подпитывался чужими слабостями, делая их частью своих стен.

Мира сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается не страх, а упрямое, горячее сопротивление. Если эти отражения — чужие страхи, значит, они не имеют власти над ней... если только она сама не позволит им её поглотить.

Она снова подошла к зеркалу, на этот раз не отводя взгляда.

— Покажи мне ещё, — сказала она твёрдо, будто бросая вызов самому замку.

Зеркало откликнулось мгновенно. Рябь пробежала по его поверхности, и перед ней пронеслись десятки сцен: плачущая женщина, мальчик, прячущийся под кроватью, старик, сжимающий письмо, которое никогда не отправит. Это была не история одного человека — это была коллекция чужих страхов, собранных здесь, в этом странном месте, где реальность была тоньше стекла.

Но среди этих образов Мира вдруг заметила нечто другое. Не воспоминание, не страх, а едва уловимую деталь: в одном из отражений, в самом углу, мелькнула дверь. Не зеркальная,

не прозрачная, а настоящая — из тёмного дерева, с резной ручкой, слегка приоткрытая, будто зовущая войти.

На мгновение Мира замерла, всматриваясь в этот образ. Но стоило ей сосредоточиться, как сцена рассыпалась, и вместо двери снова появилась чья-то чужая боль.

— Настоящая дверь, — пробормотала Мира, чувствуя, как в груди разгорается огонёк надежды.

Если замок построен из отражений, значит, настоящая дверь должна быть там, где отражения не могут существовать. Там, где остаётся только правда. И чтобы её найти, Мире придётся научиться видеть сквозь чужие страхи, слышать шёпоты, не позволяя им заглушить собственный голос.

Она отступила от зеркала, оглядывая галерею, полную окон и дверей, каждая из которых хранила чью-то историю. Но теперь она смотрела на них не как на преграды, а как на подсказки.

— Я найду её, — тихо сказала Мира, и её голос уже не дрожал.

Галерея ответила ей шёпотом, но на этот раз Мира не вздрогнула. Она слушала — не с ужасом, а с вниманием, пытаясь различить в этом хоре голосов тот единственный звук, который укажет путь к настоящей двери.

Глава 2. «Галерея забытых имён»

Галерея тянулась вперёд, будто бесконечный коридор из хрустального льда. Сотни зеркал стояли в тяжёлых рамах, отливающих тусклым серебром, и в каждом мерцала чья-то застывшая секунда — чужая жизнь, схваченная в момент самого острого страха. Мира шла по галерее, чувствуя, как воздух здесь густеет, словно пропитанный чужими воспоминаниями. Каждый шаг отдавался эхом, но эхо не повторяло звук — оно искажало его, превращая в обрывки чужих голосов.

— Не надо... не открывай... я не смогу...

Слова возникали сами по себе, без источника, будто сами стены шептали забытые признания. Мира остановилась перед первым зеркалом. В нём не было её отражения — только комната с низким потолком, сырыми стенами и дрожащим светом свечи. В углу сидел мальчик лет десяти, вцепившись пальцами в колени, а за дверью слышались тяжёлые шаги. Он знал, кто там. И знал, что сейчас дверь откроется.

Мира протянула руку, почти коснувшись стекла, но тут же отдернула — холод зеркала был не просто физическим, он словно высасывал тепло из пальцев, заменяя его чужим ужасом. Она попятилась, но взгляд зацепился за следующее зеркало. И ещё одно. И ещё. Каждое показывало не её историю, а чужую боль, чужую слабость, чью-то минуту, когда человек сломался.

И вдруг среди этой череды теней мелькнуло что-то иное — не детский страх, а тяжёлая, зрелая горечь. В массивном зеркале в раме из потемневшего металла стоял старый рыцарь. Его доспехи были покрыты царапинами, а на плече виднелась вмятина, будто от удара, который он едва пережил. Он стоял перед распахнутыми воротами замка, а перед ним на земле лежал щит — тот самый, который он бросил, когда бежал.

Рыцарь снова и снова проживал этот момент. Он делал шаг вперёд, поднимал руку, будто собираясь крикнуть, затем опускал её, смотрел на щит, и его лицо искажалось от стыда. Потом он резко разворачивался и уходил, исчезая в дымке зеркала, чтобы через мгновение появиться снова — и снова повторить этот постыдный круг.

— Ты не можешь выйти из этого воспоминания, — прошептала Мира, глядя на рыцаря.

Он не слышал её. Или не мог слышать. Он был заперт внутри своего стыда, как в клетке, и каждое движение лишь крепче затягивало прутья.

Мира подошла ближе, не к стеклу, а к самой истории, будто пытаясь встать рядом с рыцарем в том моменте. Она не хотела осуждать его. Не хотела жалеть. Она хотела просто признать: да, это случилось. Да, тебе было стыдно. Да, ты убежал. Но ты не только это.

— Ты ведь не только тот, кто бросил щит, — тихо сказала она, глядя прямо в глаза отражению рыцаря. — Ты столько раз поднимался после падений. Ты столько раз шёл вперёд, даже когда ноги дрожали. Этот момент — лишь один миг. Он не должен быть всей твоей жизнью.

Слова прозвучали в тишине галереи, и на мгновение рыцарь замер. Его рука, уже готовая снова развернуться, дрогнула. Он посмотрел не на щит, а куда-то вперёд — туда, где, возможно, был другой путь. И в этот миг зеркало дрогнуло.

Рябь прошла по его поверхности, как круги от брошенного камня, и вместо рыцаря в стекле мелькнула другая сцена: он же, но моложе, стоит на рассвете, держа в руках новый щит, и ветер треплет его плащ. Это было не воспоминание о позоре — это был намёк на искупление.

А потом зеркало начало тускнеть. Его серебряная гладь теряла блеск, становилась матовой, словно покрываясь тонкой пылью времени. И когда оно почти исчезло, Мира увидела, как в стене, прямо за рамой, появилась едва заметная трещина — тонкая, как волос, но настоящая. Не зеркальная иллюзия, а разрыв в самой структуре замка.

Мира коснулась трещины кончиками пальцев. Камень под слоем отражений был шероховатым и тёплым — впервые за всё время в замке она почувствовала что-то настоящее.

— Значит, сострадание ослабляет страх, — прошептала она, оглядываясь на другие зеркала.

Каждое из них всё ещё мерцало чужими историями, но теперь Мира видела в них не только боль — она видела возможность. Если она сможет услышать эти истории, не осуждая, не прячась от них, а просто признавая их существование, возможно, она сможет ослабить власть замка. Возможно, каждая трещина, появившаяся в стене, была шагом к настоящей двери.

Она пошла дальше по галерее, теперь не избегая зеркал, а вглядываясь в них, стараясь разглядеть не только страх, но и то, что было до него и после. В одном она увидела женщину, которая кричала от ужаса, но всё равно загоразживала собой ребёнка. В другом — старика, который дрожал, но не отступал перед бурей. В каждом воспоминании был не только момент слабости, но и что-то большее — стойкость, любовь, попытка сделать хоть что-то, даже когда казалось, что всё потеряно.

И с каждым таким признанием ещё одно зеркало тускнело. Ещё одна трещина появлялась в стене. Галерея больше не казалась ей тюрьмой — она становилась картой, где каждая ослабленная боль была меткой на пути к свободе.

Мира остановилась перед последним зеркалом в ряду. В нём она не увидела чужой истории. В нём было пусто — не чёрная пустота, а прозрачная тишина, как будто это зеркало ждало, когда в него войдёт её собственное воспоминание.

Она посмотрела на своё отражение — настоящее, без искажений. И впервые за долгое время увидела не принцессу, запертую в замке, а девушку, которая шла вперёд, несмотря на страх.

— Я не позволю этому замку решать, кем мне быть, — тихо сказала Мира.

Зеркало не ответило. Но трещина в стене за ним стала чуть шире.

Глава 3. «Дверь, которая боится открыться»

В самом сердце замка, куда не долетали даже шёпоты галереи, Мира нашла дверь. Она стояла в круглой комнате, где пол был выложен плитами из полупрозрачного стекла, и под каждой плитой мерцали смутные силуэты — будто внизу, в глубине, застыли чьи-то тени. Дверь возвышалась посреди этого странного зала, словно сама по себе была центром мира.

Она была сделана из тёмного дерева, почти чёрного, с прожилками, похожими на застывшие молнии. Но обрамляли её не резные наличники, а дрожащие отражения — сотни полупрозрачных образов, накладывающихся друг на друга, как слои тумана. Они двигались, пульсировали, шептали неразборчивые слова, и каждый раз, когда Мира делала шаг вперёд, отражения смыкались плотнее, будто выстраивая невидимую стену между ней и дверью.

Мира протянула руку и коснулась дверной ручки. Металл был ледяным, но холод не проникал глубоко — он словно отталкивался от её кожи, не в силах пробиться внутрь. Она потянула ручку на себя, но дверь не шелохнулась. Тогда Мира упёрлась плечом и надавила, вкладывая в усилие всю свою решимость.

Отражения ответили мгновенно. Они вспыхнули ослепительным светом, заставив Миру зажмуриться, а когда она открыла глаза, дверь казалась ещё дальше, чем прежде. Обрамляющие её образы стали чётче, ярче, и теперь в них мелькали не чужие воспоминания, а её собственные страхи: тёмные коридоры, по которым она бежала, не зная, куда ведёт путь; лица людей, которых она боялась подвести; тишина, наступающая после того, как она пыталась что-то сказать и не находила слов.

— Нет, — прошептала Мира, отступая и прижимая ладонь к груди, будто пытаясь унять бешеное сердцебиение. — Это не мои страхи. Это замок пытается заставить меня поверить, что они мои.

Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. В ушах всё ещё звучали шёпоты, но теперь она старалась отделить их: вот голос женщины из зеркала, вот тихий плач мальчика, вот тяжёлый вздох рыцаря. А где же её собственный страх? Он был здесь, тихий, упрямый, похожий на холодную струну, натянутую внутри. Но он не был громче всех этих чужих голосов — он был просто её частью, не больше и не меньше.

Мира вспомнила, как в детстве её учили дышать во время грозы. «Когда мир дрожит, ты должна стать тише него, — говорила няня. — Тогда ты услышишь, что он хочет тебе сказать». Мира сделала глубокий вдох, задержала дыхание на мгновение, а потом медленно выпустила воздух, представляя, как с каждым выдохом из неё уходит чужое напряжение, оседая где-то у ног, словно пыль.

Когда она снова открыла глаза, отражения всё ещё дрожали, но их свет стал мягче, не таким слепящим. Мира подошла к двери, но на этот раз не стала тянуть ручку и не стала давить на неё. Вместо этого она положила ладонь на дерево рядом с ручкой и прошептала:

— Я не собираюсь вырваться. Я просто хочу пройти.

И в этот момент что-то изменилось. Дрожащие образы вокруг двери не исчезли, но они перестали быть преградой. Теперь они напоминали рябь на воде — заметную, но не способную удержать. Мира снова взялась за ручку, и на этот раз она повернулась легко, почти без сопротивления.

Дверь приоткрылась, и из щели вырвался поток прохладного воздуха, пахнувшего дождём и далёкими горами. За ней виднелся тёмный проход, уходящий вниз по винтовой лестнице. Но самое главное — Мира поняла, что дверь не боялась открыться. Она боялась быть взломанной. Она ждала того, кто войдёт спокойно, не пытаясь победить её силой, а принимая её существование как часть пути.

Мира шагнула вперёд, и дверь тихо закрылась за её спиной, словно соглашаясь с её решением. Отражения больше не пытались её остановить. Они всё ещё шептали, но теперь их голоса звучали не как угроза, а как напоминание: здесь хранится память о страхе, но страх не должен быть хозяином этого места.

Спускаясь по лестнице, Мира чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Она не стала бесстрашной — страх всё ещё жил в ней, тихий и внимательный. Но теперь она знала: чтобы управлять зеркальной магией, не нужно уничтожать страх. Нужно научиться видеть его, называть по имени и идти дальше, не позволяя ему становиться стеной.

Каждый её шаг отдавался эхом в темноте, но это эхо больше не искажалось. Оно звучало просто и ясно — как голос девушки, которая наконец-то услышала саму себя.

Глава 4. «Тени, которые ходят по ночам»

Ночь в Замке из отражений наступала не как обычное угасание дня — она накатывала волнами, будто сама тьма была живым существом, пробуждающимся от долгого сна. С последним отзвуком вечернего колокола зеркала перестали быть просто стёклами: их поверхности потемнели, стали вязкими, как густая смола, и из них начали проступать тени. Они вытягивались, обретали очертания, отделялись от рам и бесшумно скользили по коридорам, оставляя за собой лёгкий холодок, от которого волоски на коже вставали дыбом.

Мира сидела, прижавшись спиной к стене в узком проёме между двумя зеркалами, и старалась дышать так тихо, чтобы даже собственное дыхание не выдало её. В руке она сжимала маленький фонарь — единственный источник света, который у неё остался после того, как в галерее погасли все светильники. Его луч был тонким и робким, но в нём было что-то упрямое: он не хотел сдаваться темноте.

Тени двигались по залу внизу, скользя над полом, не касаясь его, будто плыли по невидимой воде. Они не имели чётких форм — то напоминали силуэты людей, то вытягивались в длинные полосы, то распадалась на вихри тёмных искр. Но в их движениях чувствовался порядок, почти военная выучка: они патрулировали, проверяли, искали.

Одна из теней замедлилась прямо под проёмом, где пряталась Мира. Она зависла в воздухе, словно приняв себя, и начала медленно вращаться, вытягивая тонкие щупальца тьмы во все стороны. Мира замерла, даже перестала дышать, и в этот момент луч её фонаря дрогнул и скользнул по полу, выхватив небольшой участок каменной кладки.

И тут произошло нечто странное. Там, где свет лёг ровно, без бликов и искажений, тень вдруг отпрянула, будто обожглась. Её очертания на мгновение потеряли плотность, стали полупрозрачными, а потом она резко метнулась в сторону, подальше от этого пятна света.

Мира едва сдержала вздох облегчения. Она перевела взгляд на стену рядом: там, куда не доставали отражения, камень был обычным — серым, шершавым, настоящим. Ни ряби, ни мерцания, ни чужих воспоминаний. Это был островок правды — место, где замок не мог исказить реальность.

Она осторожно высунулась чуть дальше, водя фонарём по полу, и заметила ещё одно такое место: круг света, падающий прямо, без преломлений, создавал вокруг себя невидимый барьер. Тени обходили его стороной, будто чувствовали в нём угрозу.

«Замок питается хаосом, — вдруг поняла Мира, сжимая пальцами край фонаря так, что побелели костяшки. — Искажения, блики, дрожащий свет — всё это его сила. А там, где свет ложится ровно, где нет искажений, он бессилен».

Она начала медленно двигаться вдоль стены, переходя от одного островка правды к другому, каждый раз выжидая, пока тени пройдут мимо, и только потом делая следующий шаг. Это было похоже на игру в прятки, только ставкой была не просто победа — а сама возможность остаться собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.